

© 2024

УДК: 338.2; 339.7; 339.9

Виктор Самаруха

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, Байкальский
государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)
(e-mail: Oksalsam@mail.ru)

Алексей Самаруха

доктор экономических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой экономики предприя-
тия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)
(e-mail: Samarukha_alex@mail.ru)

Валентина Доржиева

кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром инновационной
экономики и промышленной политики, ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва,
Российская Федерация)
(e-mail: vvdorzhieva@inecon.ru)

НОВЫЕ РЕАЛИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И МОНГОЛИИ

В статье рассматривается развитие монгольского вектора внешнеэкономической политики России как составной части ее общей стратегии «поворота на Восток», в рамках которой Россия стремится к многополярности и сокращению возможностей для глобального господства США. В связи с воссоединением Крыма в 2014 г. и особенно после начала российской Специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г., особое значение в противостоянии России с США и с их союзниками приобретает развитие российско-монгольского экономического и политического сотрудничества в треугольнике Россия–Монголия–Китай и интеграционных региональных объединений (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и др.). В статье показано, что Монголия, занимающая позицию политического нейтралитета, активно развивает экономические связи как с соседними странами – Россией и Китаем, – так и (в рамках концепции поиска «третьего соседа») с США, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими развитыми странами, в конкуренции с которыми России теперь приходится возобновлять утраченное после распада СССР экономическое партнерство с Монголией. Результатом исследования является вывод, что в сложившейся ситуации внешнеэкономические интересы России в Монголии в основном строятся на экономических и инфраструктурных проектах китайской инициативы «Один пояс, один путь», тем самым усиливая китайский фактор в двустороннем российско-монгольском экономическом партнерстве, что в будущем может привести к новым рискам национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: внешняя политика России, «поворот на Восток», внешнеэкономическая политика, российско-монгольское экономическое сотрудничество, внешняя торговля, Монголия.

DOI: 10.31857/S0207367624070101, EDN: AZN1MT

В сложных геополитических и экономических условиях особую значимость для России в рамках внешнеэкономической политики приобретает стабильность международных отношений со странами Азии, занявшими нейтральную позицию по отношению к СВО, в числе которых Монголия. В целом «восточный вектор»

внешней политики России фокусируется на политических и экономических аспектах расширения международного сотрудничества со странами Азии, что является логичным продолжением и практической реализацией стратегии многополярности в международных отношениях. Здесь важно отметить, что поворот России на Восток начал реализовываться задолго до украинского кризиса [1–4], но официальным нормативным документом был закреплен только в 2023 г. [5]. В этой стратегии Россия выступает одним из ключевых полюсов силы и противостоит доминированию США и западных стран, которые стремятся к мировому господству [1, 6, 7].

Не стоит забывать о том, что авторитетный среди американских военных теоретиков Джон Уорден, разрабатывая стратегию «бесконтактных войн», еще в 1990-х годах выдвигал идею о том, что гораздо проще и дешевле неявно поразить центр принятия решений противника, воздействовать на его интеллектуальную элиту, чтобы ее руками выполнить поражение управляемых структур государства, сформировать протестные настроения у населения, добиться вакуума власти и организовать смену политического курса [8]. Этот сценарий был успешно осуществлен США и странами коллективного Запада при развале экономики всех бывших социалистических стран, включая СССР и Монголию.

С нашей точки зрения, в 90-х годах XX в. в России после разрушения СССР, разрыва хозяйственных связей со странами Восточной Европы и бывшими союзными республиками произошло изменение траектории ее экономического развития. Была проведена деиндустриализация, созданы условия для финансовой спекуляции, в результате чего возрождающийся в новейшей истории России капитализм приобрел олигархический характер с отсутствием механизмов справедливой конкуренции и обеспечения экономического роста, не ориентированный на экономический рост и повышение уровня жизни населения на основе инноваций. Частично эту ситуацию компенсирует развитие топливно-энергетического сектора, но без учета его вклада общая картина выглядела бы катастрофически [9]. Аналогичная ситуация произошла в Монголии и других странах бывшего социалистического лагеря.

Сейчас США вновь усиленно стараются применить данный сценарий к России по следующим направлениям: усиление прокси-войны против России на Украине; введение эмбарго против российской нефти и газа; воровство более 300 млрд долл. США золотовалютных резервов России; конфискация частной собственности олигархов с целью спровоцировать их на совершение переворота в России; оказание давления на страны ОПЕК с целью увеличения ими добычи нефти и на страны, являющиеся крупными потребителями нефти, с целью отказа от закупок российской нефти, чтобы спровоцировать обвал цены на нефть; введение эмбарго на поставку машин и оборудования в России.

Находясь во главе мировой финансовой системы, в которой на современном этапе эволюции мировой экономики преобладает тенденция к централизованному накоплению финансового капитала, США и страны G7 оказывают существенное воздействие на развивающиеся страны. С одной стороны, усиление централизации финансового капитала в мировой экономике способствует росту научно-технического прогресса, повышению производительности и росту инвестиционной

и деловой активности, которые обеспечивают гибкость в привлечении средств и стабильность развития производственных мощностей, а с другой – может привести к ряду негативных последствий, включая монополизацию рынков, обострение социальных проблем и снижение конкурентоспособности стран. Включение стран с развивающейся экономикой (которые страны G7 неявно считают своими колониями) в глобальный рынок означает неизбежность перераспределения финансового капитала в пользу центра – стран-метрополий через механизм Всемирной торговой организации (ВТО) и Международного валютного фонда (МВФ) [10]. Эти так называемые международные институты глобального регулирования международных экономических процессов находятся под полным контролем США и действуют в их интересах.

Национальная безопасность США, согласно стратегии национальной безопасности, может быть гарантирована только при условии мирового лидерства (по сути – господства) этой страны. Несмотря на то что доля США в мировом ВВП составляет менее 20%, их доля в потреблении превышает 40%. Это достигается главным образом благодаря эмиссии долларов ФРС США, которые используются для расчетов на мировом рынке более чем в 60% случаев [11]. Избыточная, бесконтрольная эмиссия доллара позволяет американцам проводить монопольную политику мирового финансового диктата и приобретать большое количество необходимых товаров практически бесплатно, что помогает США накопить огромное национальное богатство за счет ввода в действие высокотехнологичных предприятий, создать передовую науку и сильную армию, на содержание которой в год тратится почти 1 трлн долл. США, – в 20 раз больше, чем в РФ.

Передовая армия США, являющаяся к тому же самой многочисленной, удерживает в страхе почти все страны мира, защищая хищнические экономические интересы и долларовую эмиссию США. Те страны, которые не согласны с долларовой финансовой диктатурой, объявляются врагами США и демократии, и против них начинается либо прямая военная агрессия, либо гибридная война; в них могут также происходить цветные революции. В качестве примеров можно назвать прямую агрессию против Ирака в 2003 г. с целью свержения правительства и убийства президента Саддама Хусейна, организацию гражданской войны в Ливии и убийство ее лидера Муаммара Каддафи в 2011 г. [12]. Указанные политики планировали организовать торговлю нефтью в национальных валютах, но в результате их страны подверглись военным вторжениям, правительства свергнуты, а сами они убиты. Такая же политика ведется по отношению к РФ, КНДР, Белоруссии, Ирану и ряду других стран, не согласных с гегемонией США в мире.

Сценарий цветных революций следующий: лидерами системной и несистемной оппозиции (имеющей секретные связи через посольства и некоммерческие организации со спецслужбами США и других стран G7) организуются массовые протестные акции экономического характера, которые затем трансформируются в политические с требованиями отставки правительства, и протестующие становятся субъектом политического диалога. Боевики оппозиции (провокаторы) начинают стрелять по манифестантам, которые в гневе захватывают правительственные учреждения и свергают властные структуры (создавая хаос и вакуум власти); оппозиция захватывает власть и формирует свое правительство

под контролем американских спецслужб, устанавливая после этого диктатуру внешнего управления, курируемого спецслужбами США. Страна-жертва получает кабальную финансовую помощь в виде долгосрочного кредита в долларах, погасить который практически невозможно, так как это заранее просчитывается в целях финансовой колонизации. Часть кредита присваивается правящей элитой страны-жертвы и переводится на счета американских банков, становясь определенным залогом лояльности к спецслужбам и правительству США. Такие финансовые операции проводятся США и другими странами НАТО с Украиной.

В период пандемии COVID-19 (2019–2021 гг.), когда были остановлены многие предприятия, ФРС США, Центробанк ЕС, Центробанк Китая и банки многих других стран проводили политику смягчения, которая заключалась в эмиссии (фиатных) денег в целях осуществления социальных выплат населению, что привело к наращиванию внешнего долга, в т.ч. России и Монголии (табл. 1).

Из представленных в табл. 1 данных видно, что самый высокий внешний долг по отношению к ВВП у Великобритании – 316%, Монголии – 197,2% (у России – всего 21,5%). Стоит подчеркнуть, что данный показатель относится к индикаторам экономической безопасности, и, если его значение менее 50%, это говорит об устойчивости национальной экономики соответствующей страны. Следует отметить, что совокупный внешний долг всех стран мира составляет 300% к мировому ВВП (244 трлн долл. США, из которых на долю США приходится почти 13%).

Таблица 1

**Сравнение динамики изменения внешнего долга стран мира
в 2019–2021 гг.***

Страны	Внешний долг, млн долл.			Внешний долг на душу населения, долл.	Внешний долг, % к ВВП (номинал)
	на 01.01.2019	на 01.01.2022	Изменение (+/–)		
США	19 765 887	23 370 708	3 604 821	6 908	90,8
Европейский союз	16 742 184	18 146 522	1 404 338	4 047	104,9
Великобритания	8 237 959	9 798 037	1 560 078	14 514	316,1
Германия	5 691 790	6 989 677	1 297 887	8 384	171,1
Австралия	1 680 973	1 863 818	182 844	4 532	108,1
Канада	1 961 324	2 821 369	860 045	7 337	130,5
Япония	4 053 926	4 600 194	546 268	3 711	108,1
Китай	1 982 800	2 746 559	763 759	193	15,4
Индия	521 181	613 149	91 968	43	18,3
Бразилия	559 217	567 547	8 330	264	29,1
Россия	455 073	488 415	33 342	338	21,5
Монголия	28 715	33 806	5 091	995	197,2

* Обязательства нерезидентов перед резидентами соответствующей страны из представленной в таблице суммы не вычтены.

Источник: рассчитано авторами по [13].

За счет средств долга страны выдавали субсидии предприятиям, что ускорило отрыв денег от производных финансовых инструментов (денежных суррогатов). В целом мировая экономика находится в долговом кризисе, который может перерасти в мировую рецессию, и она уже вступила в этап фиатных денег («воздушных» денег, не обеспеченных выпуском товаров). При этом страны, торгующие реальными ресурсами, получают эти «воздушные» деньги, которые теоретически можно использовать для приобретения структурообразующих предприятий, технологий, однако МВФ принял правила, ограничивающие использование таких денег на данные цели. Причем все денежные единицы (в том числе рубль) должны быть обеспечены долларом и евро, и дополнительная эмиссия национальной валюты возможна только при условии увеличения экспортной выручки в долларах и евро, за счет чего США и страны ЕС получают геоэкономическую ренту.

России для предупреждения подобных сценариев необходимо иметь научно обоснованную стратегию социально-экономического развития страны в целом и ее регионов на обозримый период, которая при необходимости должна уточняться. Эту стратегию следует разбить на среднесрочные (три года) и более длительные периоды, для которых на основе программно-проектного подхода определяются источники финансового обеспечения реализации намеченных мероприятий и устанавливаются конкретные показатели их выполнения (показатели экономического роста и уровня доходов, уровня и качества жизни населения).

С учетом того, что доллар и евро не являются полноценным эквивалентом при осуществлении мировой торговли и организации инвестиционной деятельности, Правительству России необходимо провести аудит эффективности международного сотрудничества в аспекте экономической и финансовой безопасности как экспортно-импортных операций, так и инвестиционных объектов, строящихся в других странах. При этом в международной торговле требуется исходить из следующих принципов:

1) приоритетное, обязательное направление ресурсов на внутренние потребности страны (газ, нефть, лес, металл, удобрения, продукты питания и т.д.);

2) проведение государственной экспертизы выгодности для России (в горизонте 50–60 лет) строительства в иностранных государствах наукоемких и инфраструктурных объектов (прежде всего атомных электростанций, гидроэлектростанций, железных дорог, машиностроительных и химических заводов и др.), при этом исключив возможность расчетов за реализуемые проекты потребительскими товарами и плодоовощной продукцией;

3) обеспечение в первоочередном порядке всеми необходимыми ресурсами, в том числе импортными, российской армии и российского военно-морского флота, поскольку именно они являются главными союзниками и гарантами военной, национальной и финансовой безопасности России.

Экономические санкции, принятые странами коллективного Запада, ставят перед Россией новые экстраординарные задачи по проведению новой индустриализации и ускорению импортозамещения. Для этого нужны новые проекты по строительству и модернизации действующих предприятий, значительные инвестиции, которые необходимо изыскать на внутреннем рынке, в том числе за

счет дополнительной эмиссии специальных цифровых инвестиционных фиатных рублей [10]. Требуется создать новые технологические цепочки в машиностроении – в первую очередь это касается запрещенной к импорту в РФ продукции отрасли, включая станки, самолеты, товары микроэлектроники.

Безусловно, еще не проявились в полной мере долгосрочные последствия антироссийского санкционного давления (2022 г.), в т.ч. выразившиеся в отсечении ее от мировой финансовой системы; усложнении внешнеторговых операций; ограничении доступа к цифровым и другим передовым производственным технологиям; прекращении научно-технического сотрудничества [14]. Однако разрыв связей со странами Запада привел к резкому ослаблению «западного вектора» во внешнеэкономической политике России. На практике это выражается прежде всего в изменении маршрутов поставок российских энергоресурсов и других экспортных товаров и услуг [2]. Так, к примеру, санкционные ограничения первой (с 2014 г.) и второй (с 2022 г.) волны повлияли на снижение доли западных стран во внешнеторговом обороте России: их доля снизилась с 70% в 2002 г. до 60% в 2014 г. и до 23% в 2023 г. [15]. В 2023 г., согласно данным ФТС, среди главных торговых партнеров России не осталось западных стран. В пятерку лидеров вошли Китай (240 млрд долл., или 33,8% всего товарооборота), Индия (64,9 млрд долл., или 9,1%), Турция (56,5 млрд долл., или 8,0%), Белоруссия (55 млрд долл., или 7,7%) и Казахстан (26 млрд долл., или 3,7%) [16].

Для России в текущих геополитических обстоятельствах активизация во внешнеэкономической политике «восточного вектора» и освоение новых азиатских финансовых и товарных рынков стали неизбежными. Уже сейчас интенсивнее развивается сотрудничество в различных сферах экономики с Китаем, Индией, Монголией, Вьетнамом и другими азиатскими и ближневосточными странами, в том числе в рамках интеграционных объединений (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС) с целью формирования «широкого интеграционного контура – Большого евразийского партнерства».

В соответствии с новой Концепцией внешней политики России [5] *монгольский вектор* как региональное направление внешнеэкономической политики учитывает Монголию в качестве сопредельного государства (ближнее зарубежье) и государства, расположенного на евразийском континенте. Экономические и политические взаимоотношения между Россией и Монголией всегда строились и в будущем должны продолжаться на взаимовыгодной, эквивалентной и долгосрочной основе. Однако Россия недооценивала российско-монгольское партнерство в экономической сфере вплоть до 2016 г., когда Госкорпорацией «Ростех» была осуществлена сделка по продаже 49% доли в совместных горнодобывающих предприятиях «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет». Сокращение присутствия российского капитала фактически обнулило прежние тесные связи. На данный момент одним из значимых активов, формирующим потенциал экономического влияния России на Монголию, являются активы РЖД, благодаря которым российское правительство на современном этапе развития отношений с Монголией сделало ставку на реализацию транспортных и транзитных инфраструктурных проектов, но с подключением Китая, который эти проекты встраивает в свою сухопутную инициативу «Один пояс, один путь» (2013 г.).

Поскольку Монголия расположена между Россией и Китаем, для монгольского вектора российской внешнеэкономической политики в последние годы приоритетными направлениями стали реализация крупных совместных экономических (промышленных, энергетических и др.) и транспортных проектов, а также кооперация в рамках интеграционных объединений (АСЕАН, ЕАЭС, ШОС) в треугольнике Россия–Монголия–Китай. Вместе с тем России при реализации государственной политики в области укрепления экономической безопасности стоит учитывать ряд рисков. Активизация совместных проектов в треугольнике Россия–Монголия–Китай, с одной стороны, способствует укреплению экономической безопасности как России, так и Монголии, а с другой – в российско-монгольских экономических отношениях значительно усиливается китайский фактор.

По уровню экономического влияния на Монголию Китай значительно превосходит не только Россию, но и западных и восточных партнеров. Сейчас двусторонний формат российско-монгольского экономического сотрудничества несопоставим с размерами китайско-монгольского экономического сотрудничества. Так, к примеру, доля России во внешней торговле, составлявшая 78,2% в 1990 г., сократилась до 10,23% к 2024 г., доля Китая выросла с 2,3% в 1990 г. до 72,49% в 2023 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика внешнеторгового оборота Монголии, в %

Страны / Год	1990	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Китай	2,3	36,44	56,36	62,60	57,50	63,15	66,53	72,49
Россия	78,2	19,86	18,49	12,97	11,32	12,86	12,73	10,23
США	0,0	8,46	2,70	1,60	1,99	1,52	1,30	1,30
ЕС	0,0	7,06	5,81	4,90	4,48	4,78	4,53	3,90
Япония	0,0	4,58	4,57	4,15	3,60	3,52	3,61	3,39
Республика Корея	0,1	5,75	3,48	3,84	2,00	3,31	2,60	2,22
...								
Всего	100,0							

Источник: рассчитано авторами по данным [17].

В настоящее время важным принципом внешней политики Монголии является многовекторность и отказ от участия в любых военно-политических блоках [18, 19]. Вместе с тем, согласно пословице «Старый друг лучше новых двух», время многовекторного сотрудничества заканчивается. В новых геополитических условиях настало время Монголии определиться и выбрать сторону: либо присоединиться к большинству стран, которые не проводят колониальной политики, либо занять враждебную по отношению к ним позицию и присоединиться к Западу.

Важно отметить, что распад СССР, который был основным ее экономическим партнером-донором, прекращение деятельности СЭВ, членом которой она являлась, и экономическая глобализация очень сильно повлияли на внешнюю политику

Монголии, внесли изменения во внешнеэкономическую деятельность страны: стала активно развиваться стратегия поиска «третьего соседа», в рамках которой в настоящее время США, ЕС, Япония, Южная Корея и другие страны расширили свое присутствие в стране и влияние на монгольскую экономику [20, 21]. В результате экономика Монголии стала очень сильно зависима от иностранных инвестиций, в т. ч. от предоставляемой международными финансовыми институтами развития безвозмездной помощи и льготных кредитов через разные механизмы (см. табл. 1, табл. 3).

Таблица 3

Основные макроэкономические показатели Монголии (2018–2022 гг.)

Показатель	2018 г.	2022 г.	Изменение (+/–)
ВВП, млрд долл.	13,2	17,1	3,9
Темпы роста ВВП, %	7,7	6,1	–1,6
Рост ВВП (% год)	7,7	5,0	–2,7
ВВП на душу населения, долл.	4165,0	5046,0	881,0
Внешний долг, млрд долл.	29,8	33,8	4,0
Отношение внешнего долга к экспорту, %	375,5	297,9	–77,6
Отношение внешнего долга к ВДН, %	249,6	224,1	–25,5
Экспорт, млрд долл.	7,0	12,6	5,5
Импорт, млрд долл.	6,1	8,7	2,6
Уровень инфляции за год, %	6,8	10,0	3,2

Источник: рассчитано авторами по данным [22].

Монголия, занимающая в Азии уникальное положение и входящая по запасам природных ресурсов в первую десятку стран мира, стала площадкой, где в условиях нарушения глобальных цепочек поставок развернулась жесткая конкурентная борьба между ТНК: англо-австралийской «Rio Tinto», американской «Peabody Energy», канадской «ION Energy», китайскими «Chalco», «Shenhua», французскими «BRGM», «Orano», японскими «Itochu», «Mitsui», «Mitsubishi», «Sumitomo», «Marubeni».

* * *

На этом фоне России фактически приходится возобновлять сотрудничество с Монголией в условиях конкуренции с Китаем, США, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими развитыми странами мира и без учета прежних достижений. В текущей ситуации внешнеэкономические интересы России в Монголии в основном сосредоточены на экономических и инфраструктурных проектах в треугольнике Россия–Монголия–Китай и усиливают китайский фактор, что может в будущем привести к новым рискам для экономической безопасности страны.

Литература

1. К великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, июль 2012. URL: <https://ru.valdaiclub.com> (дата обращения: 22.08.2024).
2. Лагутина М.Л., Лапенко М.В. Поворот на Восток в контексте внешней политики России: история и современность // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 1. С. 23–37. URL: <https://doi.org10.18101/2949-1657-2023-1-23-37>.
3. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029. URL: <https://doi.org10.17059/2017-4-4>.
4. Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути. Валдайские записки // Россия в глобальной политике. 2016. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povorot-rossii-na-vostok-povorot-kitaya-na-zarad-vzaimodejstvie-i-konfliktu-na-shyolkovom-puti/> (дата обращения: 22.08.2024).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации № 229 от 31 марта 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 22.08.2024).
6. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67. № 4. С. 5–16. URL: <https://doi.org10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>.
7. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Издательство «БОСЛЕН», 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/books/k-velikomou-oceanu-sbornik/> (дата обращения: 22.08.2024).
8. Багдасарян В. Поражение сознания. Теория и практика ментальных войн // Завтра.ру.31.12.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/porazhenie_soznaniya (дата обращения: 22.08.2024); Золотарев А. Ю. Теория «пяти колец» Джона Уордена и бесконтактные современные войны. 2017. Войны и революции в новейшей истории России: труды Международной научной конференции. С. 47–52.
9. Самаруха В.И. К вопросу национальной, экономической и финансовой безопасности Российской Федерации / в сборнике: Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе. Материалы 5-й международной научно-практической конференции. Иркутск. 2023. С. 522–531.
10. Самаруха В.И., Самаруха А.В., Сорокина Т.В. Роль финансов в обеспечении экономической безопасности России в условиях геополитической трансформации мировой экономики // Известия Байкальского государственного университета. 2022. № 3(32). С. 474–484. URL: [https://doi.org10.17150/2500-2759.2022.32\(3\).474-484](https://doi.org10.17150/2500-2759.2022.32(3).474-484).
11. Самаруха В.И., Самаруха А.В. К вопросу о необходимости усиления роли государства в условиях новой геополитической реальности с целью обеспечения национальной безопасности / В сборнике: Российская экономика: на пути структурной трансформации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.А. Самусенко, отв. за выпуск А.В. Ревкуц. Красноярск. 2023. С. 54–55.
12. Мартынов С.А. Инновационная экономика. Дорожная карта. 2040. М.: Прометей. 2013. 404 с.
13. Внешний долг по странам // CEIC Data. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/external-debt> (дата обращения: 22.08.2024).
14. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. М.: Институт экономики РАН. 2023. 132 с.
15. Долгосрочные сценарии развития российской экономики // ВЭБ.РФ. 2024 (апрель). URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Dolgosrochnye_scenarii_razvitiya_rossiyskoj_ekonomiki.pdf (дата обращения: 22.08.2024).
16. Китай, Индия и Турция стали главными торговыми партнерами России в 2023 году // Известия. 2024. URL: <https://iz.ru/1678604/2024-04-08/kitai-india-i-turtcia-stali-glavnymi-torgovymi-partnerami-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 22.08.2024).

17. Mongolian Statistical Information Service // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://www.1212.mn/mn> (дата обращения: 22.08.2024).
18. Концепция внешней политики Монголии [Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал] / Сайт Единой правовой информационной системы. URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/3362?lawid=6340> (дата обращения: 22.08.2024).
19. Концепция национальной безопасности Монголии [Монгол Улсын Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал] // Төрийн мэдээлэл: информ. бюл. 1994. 30 июня. № 9. С. 781.
20. Политика третьего соседа / Сайт Министерства иностранных дел. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=16273 (дата обращения: 22.08.2024).
21. *Тунлага*. Факторы формирования внешней политики Монголии (1991–2017 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2021. № 2 (97). С. 51–61.
22. Открытые данные Всемирного банка. Монголия / Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=MN> (дата обращения: 22.08.2024).

Victor Samaruha (e-mail: Oksalsam@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Professor of the Department of World Economy and Economic Security,
Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

Alexey Samaruha (e-mail: Samarukha_alex@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,
Acting Head of the Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship,
Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation)

Valentina Dorzhieva (e-mail: vdorzhieva@inecon.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Head of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

NEW REALITIES OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA

The article examines the development of the Mongolian vector of foreign economic policy, the strategy of Russia's turn to the East, within which it seeks global multipolarity and a reduction in opportunities for U.S. domination. In Russia's confrontation with the United States and its allies after the reunification of Crimea in 2014 and especially after the start of the Russian Special military operation in February 2022 of particular importance is the development of Russian-Mongolian economic and political cooperation in the Russia-Mongolia-China triangle and in regional associations (EAEU, SCO, ASEAN, etc.).

The article shows that Mongolia, which sticks to political neutrality, is actively developing economic ties with both neighboring countries – Russia and China – and (within the framework of the “third neighbor” concept) with the United States, the EU, Japan, South Korea and other developed countries, in competition with which Russia now has to renew the economic partnership with Mongolia once lost after the collapse of the USSR. The result of the study is the conclusion that currently Russia's foreign economic

---

interests in Mongolia are mainly built on the economic and infrastructure projects of the Chinese Initiative “One Belt, One Road”, thereby strengthening the Chinese factor in the bilateral Russian-Mongolian economic partnership, which in the future may lead to new risks to national economic security.

Keywords: Russian foreign policy, “turn to the East”, foreign economic policy, Russian-Mongolian economic cooperation, foreign trade, Mongolia.

DOI: 10.31857/S0207367624070101, **EDN:** AZNIMT